

Цун Си парил в воздухе, совершенно растерянный. Он не чувствовал собственного тела, но при этом мог со всех сторон, без единой слепой зоны, наблюдать за этой погоней. Впереди бежал юноша, чей тхил был тонок, как лист бумаги, а лицо — смертельно бледным. Черты лица у него были изящными и красивыми, но состояние в данный момент оставляло желать лучшего: каждый шаг, казалось, требовал от него всех оставшихся сил. И тем не менее юноша не сдавался. В его темных глазах царил пустота, а всё его сознание, судя по всему, было сосредоточено лишь на том, чтобы заставлять ноги двигаться — движение вперед стало его единственной навязчивой идеей.

Полной противоположностью худому юноше были преследовавшие его люди — трое крупных и дюжих амбалов с устрашающими мускулами, чьи тела источали взрывную силу.

Цун Си видел, что эти громилы воспринимают юношу как забаву, игрушку: — Ха-ха, беги! Если есть хоть капля силенок, продолжай бежать!

Впереди показался обрыв, и троица наконец ускорила, окружив юношу плотным кольцом и со смехом издеваясь над ним.

— Тц-тц, подумать только, и как такая хрупкая худышка ухитрилась сбежать с корабля? Наверное, пришлось разок телом поторговать, чтобы найти подходящий момент? — похабно ухмыльнулся другой амбал, со злым умыслом ущипнув юношу за обнаженную руку. На коже тут же, прямо на глазах, расплылся синяк.

Юноша, казалось, испытал сильнейшее унижение. Его затрясло от гнева, в огромных глазах мгновенно заблестели слезы, но он из последних сил сдержался, не давая им пролиться.

Громилу же от этого зрелища бросило в жар, его глаза едва не покраснели от возбуждения. Он протянул руку к юноше, но другой амбал преградил ему путь: — Третий, ты забыл правила нашего ремесла? Он не тот, кого тебе позволено трогать.

Взгляд амбала по прозвищу Третий прояснился, в его похотливых глазах мелькнуло недовольство, но бросать вызов так называемым правилам он явно не осмелился.

Другой амбал, вспомнив что-то ужасное, тоже вздрогнул и затрясся мелкой дрожью.

Пока они препирались, пелена слез в глазах юноши исчезла. Его скудные остатки сил вмиг вспыхнули взрывной волной, и он бросился прямо к краю обрыва.

Цун Си прочел в глазах юноши отчаяние и решимость умереть. Даже прыгнув в пропасть и погибнув, он предпочел бы это участи быть пойманным и возвращенным назад.

Крепыши явно не ожидали, что готовая уплыть в руки добыча вот так упорхнет у них из-под носа. Потоптавшись в растерянности пару секунд, один из них вмиг взмахнул рукой, выставив

наружу серебристо-серый мех, и быстро запрыгнул в кабину пилота, пытаясь перехватить юношу, собравшегося прыгать. К сожалению, они находились слишком близко к обрыву — силуэт юноши уже скрылся из виду. А когда они подползли к краю и заглянули вниз, то увидели лишь зловещее мрачное ущелье, уходящее в беспросветную глубину...

Три меха некоторое время покружили над обрывом, после чего были вынуждены ни с чем удалиться.

Цун Си почувствовал, как из-под обрыва повеяло мощной силой втягивания, перед его глазами всё потемнело, и он мгновенно потерял сознание.

В сознании, словно кинолента, проносились кадры двадцати пяти лет жизни на Земле. Цун Си был в семье вторым ребенком: сверху — старший брат, снизу — младшая сестра. С самого детства в глазах родителей, соседей и учителей Цун Си слыл послушным ребенком: красивый, с отличной успеваемостью, легко сходится с людьми. С детского сада и до самого университета он оставался круглым отличником — тем самым ребенком маминой подруги из рассказов взрослых и кумиром-отличником в глазах однокурсников.

Если бы не встреча с Луань Юнем на первом курсе университета, жизнь Цун Си, возможно, сложилась бы как у большинства людей: окончание вуза, поиски работы, упорный труд ради денег, покупка жилья и машины, женитьба, дети — всё шло бы гладко и безмятежно.

Но он встретил Луань Юня, и этим «если» было суждено исчезнуть.

Цун Си был слишком послушным. В глазах родителей старший брат слыл бунтарем, младшая сестренка как девочка требовала больше заботы и хлопот, и лишь Цун Си с малых лет никого не утруждал своими проблемами. Все вокруг говорят, что плачущий ребенок получает конфетку, а покладистый и молчаливый Цун Си всегда оставался в тени семейного внимания, и сколь бы выдающихся результатов он ни добивался, это почему-то воспринималось как должное. Такой Цун Си, повстречав Луань Юня, чья нежность проникала в самую душу, сдался без боя. Еще толком не познавший чукского влечения и никогда не любивший юноша в полном неведении позволил Луань Юню сломить себя, даже не успев задуматься о том, что значит следовать за этим человеком.

Они встречались пять лет. Из первокурсника Цун Си превратился в самого обычного офисного клерка в большом городе, бывшее сияние вокруг него постепенно померкло. Сложная реальность нанесла ему сокрушительный удар, и зависть со злобой окружающих перестали ограничиваться лишь злыми языками — они переросли в реальные действия.

Цун Си мог стерпеть и травлю, и притеснения, но последовавшие за ними домогательства сделали его жизнь невыносимой, а характер — еще более замкнутым.

Казалось, все невзгоды этой жизни обрушились на него одновременно. Ему хотелось лишь поскорее вернуться в их с Луань Юнем гнездышко, оказаться в его объятиях и утонуть в ласковом, балующем взгляде. Пусть это назовут бегством от проблем или слабостью — тогда он

видел лишь хорошее в Луань Юне.

Только он забыл, что люди имеют свойство меняться.

Когда Луань Юнь спокойно заговорил о расставании и бросил, что Цун Си изменился и больше не тот чистый мальчик, что жил в его сердце, в душе Цун Си рухнул последний оплот.

Когда кумир пал с пьедестала и превратился в одного из многих серостей, любовь Цун Си подошла к концу.

Он прозрел. Помолчав долгое время, он произнес четыре слова тому же мужчине с по-прежнему нежным и непостижимым лицом: Как пожелаешь.

Цун Си, без сомнения, был умен. Он обладал феноменальной способностью к обучению, и стоило ему переменить взгляды, как открылось второе дыхание: всего за два года из незаметного новичка, которого на работе мог пнуть любой желающий, он вырос до управляющего филиалом.

Пусть горький опыт дался ему тяжело, но и понимание пришло глубже. С той поры Цун Си усвоил простую истину: что бы это ни было, по-настоящему твоим становится лишь то, что крепко зажато в твоих собственных руках.

Цун Си посетил новогодний банкет головной компании. Зная он заранее, что станет свидетелем этой сцены, он ни за что бы туда не пошел.

Их компания принадлежала одной семье, и на этот раз за организацию праздника отвечал единственный сын президента — Линь Цзян, занимавший пост помощника генерального директора. Все знали, что он готовится занять место отца. Цун Си пересекался с ним несколько раз, но близко знаком не был. Он знал лишь, что это молодой, весьма симпатичный парень с выдержанным характером и очень пронзительным взглядом. Цун Си не смел смотреть ему в глаза, чувствуя, что в этом взгляде кроется некий глубокий смысл, от которого становилось не по себе.

Кто бы мог подумать, что такой Линь Цзян сойдется с Луань Юнем? Судя по шепоткам за спиной, Луань Юнь добивался Линь Цзяна уже два года. Выходило, что Луань Юнь заприметил новую цель едва ли не сразу после расставания с Цун Си. Нет-нет, а может, он и расстался-то с Цун Си именно потому, что уже присмотрел себе новую цель?

Цун Си больше не чурался самых дурных мыслей, пытаясь разгадать поступки Луань Юня. Спустя два года переосмысления, вспоминая годы, проведенные с ним, Цун Си горько усмехался: погруженным в те отношения, судя по всему, был он один.

— Линь Цзян, Цун Си — это уже прошлое. Прошло два года, почему ты до сих пор не хочешь

принять меня? — В тени у дальнего конца коридора Луань Юнь преградил Линь Цзяну путь, глядя на него с одержимой нежностью.

Прислонившись к лестничным перилам неподалеку, Цун Си чувствовал лишь, как эта сцена режет глаза своей жуткой знакомостью. Когда-то Луань Юнь смотрел на него точно так же. Человек, окутанный таким взглядом, невольно начинал верить, что для этого мужчины он и есть весь мир. Но теперь Цун Си находил это лишь отвратительной насмешкой: оказывается, этот взгляд Луань Юня был всего лишь отточенным навыком, который можно применять к кому угодно — хоть к нему, Цун Си, хоть теперь к Линь Цзяну.

С той точки, где стоял Цун Си, было отлично видно по-прежнему прямую спину Линь Цзяна. Казалось, на него нисколько не повлиял взгляд Луань Юня:

— Я лишь говорил, что вы с Цун Си не подходите друг другу. Разве это не был намек на то, чтобы я расстался с ним? Дорогая, когда ты ревнуешь, твои манеры все такие же неловкие.

Лин Цзян отступил на шаг и насмешливо фыркнул: Раз уж ты, Луань Юнь, не понимаешь человеческой речи, я скажу прямо: тот, кто мне приглянулся, — это Цун Си, а не ты. И когда я сказал, что вы не подходите друг другу, я имел в виду, что это ты не стоишь Цун Си. Понял?

Нежная улыбка на лице Луань Юня исчезла: Лин Цзян, ты шутишь?

Ты же знаешь, я никогда не шутишь. Разве ты сам не знаешь, насколько хорош Цун Си? К тому же, вообще-то, первым на Цун Си положил глаз я. Если бы не ваше дурацкое пари, из-за которого ты стал ухлестывать за Цун Си, кто знает, может, он бы не пострадал за эти годы, и мы давно уже были бы счастливы вместе. При воспоминании о событиях прошлых лет эмоции Лин Цзяна немного вышли из-под контроля.

Луань Юнь остолбенел.

Цун Си тоже замер!

Почему ты тогда ничего не сказал? Луань Юнь вытащил сигарету, понюхал ее и по привычке убрал обратно. Эта привычка выработалась у него за несколько лет жизни с Цун Си: стоило Цун Си учуять запах табака, как у него начинало затрудняться дыхание, в каком бы просторном помещении они ни находились. Со временем Луань Юнь вообще бросил курить.

Прошло два года, но эта его привычка ничуть не изменилась.

Я думал, ты сделаешь его счастливым, а оказалось, что ты мразь!

Цун Си отчетливо видел, как дрожит тело Лин Цзяна. Настроение его было предельно сложным: насколько сильной была его любовь к Луань Юню, настолько же жгучей оказалась вспыхнувшая в сердце ненависть.

Он никогда бы не подумал, что их совместные с Луань Юнем годы строились на обычном пари. Хотя всех деталей он еще не знал, из разговора этих двоих было очевидно, что это чистой воды драма, полная дешевых страстей, в которой ему отвели главную роль.

Он даже не помнил, как вышел из компании. Что же до дальнейшего разговора Луань Юня и Лин Цзяна, то ему было уже совершенно все равно. Ему вдруг показалось, что раньше он был

до такой степени наивен и глуп, что это вызывало ярость у небес и людей.

Если бы те студенты, которые в университете боготворили его как кумир, узнали об этом, их вера в него наверняка рухнула бы!

И он-то вечно считал себя умником!

Луань Юнь! Луань Юнь!! Луань Юнь!!!

С бесстрастным лицом и твердой поступью Цун Си шагал по широкой улице, безостановочно повторяя в мыслях это имя, которое некогда приносило ему сладость, а теперь наполняло бесконечной ненавистью.

Крепко сжав кулаки, он чувствовал, что должен что-то предпринять, иначе он просто сойдет с ума!

Цун Си не считал себя хорошим человеком. Когда ему было восемь лет, к ним в гости пришла годовалая девочка из соседней семьи. Она была такой милой, словно кукла из витрины, мягкая и нежная. Цун Си хотел взять ее на ручки, но соседка лишь отстранила его с ледяным лицом, опасаясь, что он не удержит ее драгоценную дочь и уронит.

С тех пор, сколь бы прелестной ни была та девочка, он больше ни разу не посмотрел на нее по собственной воле — даже тогда, когда она впоследствии целыми днями бегала за ним по пятам и звала братиком.

Цун Си обладал далеко не самым широким кругозором. Когда они с Луань Юнем расстались, во-первых, гордость не позволяла ему унижаться и цепляться за уходящего, а во-вторых, Луань Юнь всегда оставлял после себя лишь сладкие воспоминания. Даже в момент расставания Цун Си искренне верил, что нынешний он действительно недостоин такого прекрасного Луань Юня, и потому добровольно отпустил его.

Но теперь, когда открылась вся правда, как он мог позволить себе просто так отпустить Луань Юня, который играл им ради забавы?

С самого детства и дочерез всю учебу Цун Си неизменно оставался круглым отличником. По мнению многих, отличник равно зубрила, но к Цун Си эта формула была неприменима.

Учеба давалась ему с поистине блестящим умом, и это проявлялось не только в чтении книг. В университете он постоянно работал ассистентом на кафедре физики и участвовал в нескольких успешных исследовательских проектах. У него была гибкая, незашоренная голова и свежий ход мысли, и зачастую именно Цун Си предлагал идеи, помогавшие преодолеть тупик в исследованиях.

Для естественника холодный рассудок — вещь абсолютно необходимая! И хотя в душе он ждал не дождался, когда сможет разорвать Луань Юня на куски, разжевать зубами и проглотить. После ежегодного собрания Луань Юнь, казалось, полностью погрузился в состояние глубокого потрясения. Он целыми днями пропадал в барах и караоке, а его любовники менялись каждый день.

Наблюдая со стороны за этим таким знакомым и в то же время чужим Луань Юнем, Цун Си не испытывал в душе ни малейших эмоций. Его решение не поколебалось ни на йоту — в конце концов, он был человеком эгоистичным.

Две недели спустя Луань Юнь, всё так же погрязший в беспамятном разгуле, обнимая за талию какого-то юношу, вошёл в свою квартиру и больше из неё не выходил. Позже соседи слышали крики о помощи и вызвали полицию. Картина, представшая перед глазами всех вошедших в квартиру, заставила их невольно нахмуриться.

Молодой человек, звавший на помощь, был сплошь покрыт синяками и кровоподтёками — на нём почти не осталось живого места, а дыхание было настолько слабым, что казалось едва уловимым. Сам же Луань Юнь находился в квартире совершенно голым, полностью потеряв рассудок, и лишь по какому-то животному инстинкту преследовал свою добычу.

Обоих доставили в больницу: юноша едва не лишился жизни и, судя по всему, на всю оставшуюся жизнь заработал тяжелейшую психологическую травму.

Что же до Луань Юня, то хотя разум к нему вернулся, его тело было безнадежно испорчено.

Узнав об этом, Цун Си остался невероятно доволен наркотиком, который создал совершенно случайно, и большая часть накопившейся в его сердце обиды улетучилась.

Однако он слишком рано вздохнул с облегчением. Пробыв с Луань Юнем пять лет, он даже не подозревал, что за семьёй Луань стоят такие влиятельные силы. Угрозы, похищение... Когда они сошлись вновь, бывшие возлюбленные превратились в смертельных врагов.

Цун Си хладнокровно привёл в действие самодельное взрывное устройство, привязанное к его телу — к худшему он был готов с самого момента получения первой угрозы.

Эти воспоминания ярко и чётко отпечатались в его сознании: это был его собственный жизненный опыт, и ему потребовался всего лишь один фрагмент, чтобы принять всё без малейшего отторжения. В то же время другая часть воспоминаний была куда более размытой.

Имя осталось прежним — его тоже звали Цун Си. Ему было всего семнадцать лет, он был зелёным юнцом из влиятельного клана Союза, и в семье он тоже был вторым по старшинству. Но в отличие от прежнего себя, этот юноша по имени Цун Си оказался незаконнорожденным ребёнком. С самого рождения его забрали в основной дом и отдали на воспитание законной жене главы клана. Для клана Цун в Союзе лишний рот за столом ничего не значил, а эта госпожа, без сомнения, оказалась женщиной умной: она не только не ущемляла Цун Си в еде и одежде, но даже относилась к нему лучше, чем к собственному сыну, давая всё, о чём бы он ни попросил. Благодаря такому поведению она одно время была у всех на устах в высшем свете, заслужив репутацию самой великодушной жены. А юный Цун Си вырос высокомерным, эгоистичным и заносчивым мажором, который добивался своего любыми средствами, стоило ему лишь на что-то положить глаз.

Взять, к примеру, Чжун Цунцзуна — племянника законной госпожи по линии её старшего брата, молодого господина из семьи второго эшелона. Он был на три года старше Цун Си и рос вместе со старшим братом Цун Си — Цун Лянем, младшей сестрой Цун Шаном и младшим братом Цун Юй.

В какой-то момент Цун Си безумно и безответно влюбился в Чжун Цунцзуна. В тот период в доме Цун творился настоящий кошмар, а его отец Цун Дэцзянь был разочарован в нём до предела. И всё же, благодаря стараниям законной госпожи, в шестнадцать лет Цун Си обручился с Чжун Цунцзуном. Какое-то время они были так сладки друг с другом, что от этого приторного счастья сводило скулы. Увы, ровно полмесяца назад Чжун Цунцзун опубликовал в «Газете Союза» одностороннее заявление, в котором объявил, что нашёл свою истинную любовь, а Цун Си всегда воспринимал лишь как младшего брата, и выразил надежду, что Цун Си благословит их, и тому подобное...

Юный Цун Си был полностью оглушён. Перечитывая газету бесчисленное количество раз, он в конце концов был вынужден поверить: Чжун Цунцзун бросил его, причём в такой унижительной для всего Союза форме.

Юноша, которому едва исполнилось семнадцать лет, всё это время рос в теплице под опекой законной госпожи и никогда в жизни не сталкивался с неудачами. Разве мог он вынести столь сокрушительный удар?

В порыве гнева и совершенно потеряв рассудок, он сбежал из дома.

<http://bllate.org/book/21721/2244238>